

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Махмадулоевой Насибы Махмадшифоевны – «Этапы развития лугаз и муаммо в таджикско-персидской литературе X–XV вв.», представленной к защите на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2 - Литература народов мира (персидская литература, таджикская литература) (филологические науки)

Диссертационная работа Н.М. Махмадулоевой посвящена исследованию двух малоизученных жанров персидско-таджикской классической поэзии — лугаза (ребуса) и муаммо (шарады) — в историческом аспекте, охватывающем период с X по XV век. Тема является актуальной и значимой, поскольку, несмотря на широкое распространение загадочных форм в средневековой восточной литературе, до настоящего времени отсутствовало системное, методологически обоснованное исследование, ставящее целью реконструкцию их генезиса, структурных особенностей, семантических механизмов и функциональной роли в литературной культуре.

Объектом исследования выступают жанры лугаз и муаммо, предметом — их структурно-семиотические параметры, риторико-поэтические функции и эволюционная динамика в таджикско-персидской литературной традиции. Автором успешно решена задача выявления и обоснования различий между жанрами, ранее часто отождествляемыми в научной литературе. Впервые предложена и аргументирована структурно-семиотическая модель разграничения лугаза как метафорической редукции и муаммо как лингвистически-семантической игры с использованием абджада, что представляет собой существенный вклад в теорию восточной поэтики.

Исследование опирается на обширный и впервые систематизированный корпус текстов — диваны, антологии, редкие рукописи поэтов X–XV вв. (Рудаки, Джалалуддин Исфохани, Муиззи, Рашидуддин Ватват, Шамс Кайс Рази, Алишер Навои, Абдурахман Джами и др.), а также на лексикографические источники («Луғатнома» Деххудо, «Фарханги форсии Амид» и др.). Это обеспечивает эмпирическую надежность выводов и позволяет выйти за рамки фрагментарных упоминаний, характерных для предыдущих исследований.

Теоретическая значимость работы заключается в следующем:

1. Впервые выделены и обоснованы три уровня функциональной эволюции жанров: игровой (X–XI вв.), интеллектуальный (XII–XIII вв.) и

духовно-философский (XIV–XV вв.), что позволяет реконструировать их историческую динамику как процесса трансформации из устной загадки в сложный символический код, отражающий интеллектуальные и суфийские тенденции эпохи.

2. Установлено, что лугаз характеризуется метафорической редукцией (сжатием образа до ключевого признака), тогда как муаммо строится на семантической дезинтеграции слова с последующей реконструкцией через абджад, арифмологию и фонетические игры — что делает их не взаимозаменяемыми, а разными типами поэтического кодирования.

3. Системно проанализированы трактаты Алишера Навои («Муфрадат»), Абдурахмана Джами и Али Язди, что позволяет уточнить теоретическое осмысление жанров в XV веке и выявить их интеграцию в эстетическую и педагогическую систему персидско-таджикской культуры.

4. Разработана классификация тематических и формообразующих моделей (природа, архитектура, религиозные символы, астрономия), что открывает путь для дальнейшего сопоставительного анализа с другими восточными литературными традициями.

Практическая значимость работы заключается в создании методологической основы для анализа загадочной поэзии, которая может быть использована в курсах по теории литературы, переводоведению и истории восточной поэтики. Предложенные критерии различения жанров и методы текстологического анализа применимы к другим корпусам средневековых текстов.

Диссертация соответствует специальности 5.9.2 — Литература народов мира (персидская литература, таджикская литература) и отвечает пунктам паспорта:

п. 3 — Поэтика жанров, тропов и приемов (анализ структуры и функций лугаза и муаммо);

п. 4 — Взаимодействие национальных литератур (сравнительный контекст с арабской, персидской, тюркской традициями);

п. 6 — Рецепция литератур народов мира (обзор российской, таджикской и зарубежной литературы);

п. 8 — Социология литературы (роль жанров в придворной, образовательной и интеллектуальной среде).

Диссертантом опубликовано 4 статьи в журналах, включенных в перечень ВАК РФ, что подтверждает научную востребованность результатов.

Глава I диссертации «Жанры лугаз и муаммо в персидско-таджикской поэзии X–XV вв.» представляет собой оригинальное, глубоко проработанное и методологически обоснованное исследование жанра лугаз (ребуса) в

персидско-таджикской поэзии X–XIV вв. Автору удалось систематизировать и теоретически осмыслить эволюцию лугаза как самостоятельного поэтического жанра, от древнейших пехлевийских истоков до классических образцов XII–XIV вв., что является существенным вкладом в теорию восточной поэтики.

Диссертант отвергает распространённое в таджикской филологии отождествление лугаза с чистоном («загадка»), показывая, что чистон — это народно-исторический термин, существовавший задолго до арабского влияния, в то время как лугаз — литературно-поэтическая форма, основанная на аллегорической, метафорической, а не вопросительной структуре. Ключевым аргументом здесь является различие в структуре подачи: чистон — всегда вопросительный («что это?»), лугаз — исключительно иносказательное описание без прямого вопроса.

Особую научную ценность представляет первичное выявление древних истоков лугаза в авестийской и пехлевийской традиции. Автор приводит анализ поэмы «Юишти Фриён», где в форме диалога-загадки (33 вопроса и ответа) раскрывается философско-мифологическая структура, аналогичная жанру лугаз. Примеры: «Кто из созданий Хурмузда идёт, не оставляя следов?» — ответ: птица (Дисс., с. 23); «Кто из созданий Хурмузда выглядит выше, когда сидит?» — ответ: собака (Дисс., с. 23). Эти примеры демонстрируют, что лугаз как жанр существовал в Иране задолго до исламизации, что опровергает утверждения о его арабском происхождении. Автор также ссылается на «Бундахишн», «Шиканд гуманик визар» и «Андарзнаме Бузургмехра» как на свидетельства существования аналогичных форм.

Диссертант проводит систематический анализ ранних образцов, интерпретировав тексты из дивана Рудаки, Балъами, Тахира Чагани, Мунджика Тирмизи. Особое значение имеют: Лугаз Рудаки о перо («Ланги равандаст...», с. 26): «Хромой путник он, без слуха, но речь постигающий; / Красноречивый немой, без взора, но мир созерцающий» — идеальное описание пера без его названия. Автор обоснованно утверждает, что в X–XI вв. лугаз интегрировался в жанры газель, китъа, рубаи и касида, становясь вступительным элементом поэтической композиции, а не самостоятельной формой. Это предвосхищает его дальнейшее развитие в XII в.

В XII веке лугаз достигает высшей степени художественной зрелости. Автор подробно анализирует произведения Муизи Самарканди, Авхадуддина Анвари, Рашидуддина Ватвата, Джамалуддина Исфакхани. В работе впервые чётко разграничивается лугаз и муаммо, что является ключевым научным достижением. Диссертант показывает, что муаммо в XIII–XIV вв. становится

самостоятельным жанром, часто связанным с суфийской символикой, именами, астрологией и числовой мистикой, в то время как лугаз сохраняет поэтическую, образную природу.

Выводы по главе I: впервые в таджикской филологии лугаз и муаммо строго разграничены как разные жанры с разными происхождением, структурой и функциями; убедительно доказано, что лугаз — иранская форма, а не арабское заимствование; создана полная историко-литературная хронология развития лугаза от авестийских текстов до XII–XIV вв.; предложена новая классификация: лугаз — метафорическая редукция, муаммо — семантическая дезинтеграция слова (через абджад, графику, буквы); приведённый корпус текстов (более 40 примеров) — наиболее полный в современной науке.

Глава I диссертации представляет собой важный вклад в изучение восточной поэтики. Автор создал новую теорию жанра, восстановил его историческую генеалогию, разработал методологию различения лугаза и муаммо, и впервые в таджикской филологии доказал автономность и древность персидско-таджикского жанра лугаз. Работа соответствует требованиям научной новизны, глубины анализа и научной строгости.

Глава II: «Жанр муаммо и его исторический экскурс до XV в.» представляет собой первое в таджикской филологии системное, теоретически обоснованное исследование жанра муаммо (шарады) в персидско-таджикской поэзии X–XV вв. Её научная новизна и значимость заключаются в следующем: впервые доказана автономность муаммо как жанра, не сводимого к лугазу или чистону. Автор убедительно показывает, что муаммо — это семантически зашифрованное имя или понятие, раскрываемое через абджад, графические манипуляции, таджнис, инверсию, элизию и лингвонумерологические операции. В отличие от лугаза, где указываются признаки объекта, муаммо требует дешифровки самого имени — что делает его интеллектуально более сложным и формально строгим. Разработана детальная классификация методов построения муаммо на основе анализа более 50 текстов из диванов Рашидуддина Ватвота, Джами, Навои, Язди, Васифи и других. Выделены ключевые типы: графические; числовые; фонетические; семантические.

Это — первая систематизация методов муаммо в таджикской науке. Установлено, что муаммо — не «игровая» форма, а философско-эстетическое явление, тесно связанное с суфийской традицией вахдат аль-вуджуд. Автор показывает, что загадка имени — метафора поиска божественной истины, а практика муаммо — инструмент духовного и интеллектуального воспитания.

Впервые восстановлена историческая хронология развития муаммо: от ранних примеров у Рудаки (X в.) и Анвари (XI в.); к теоретическому обоснованию у Рашидуддина Ватвота (XII в.); к расцвету в XV в. в Герате, с трактатами Шарафуддина Али Язди (Хулал-и мутарраз), Абдуррахмана Джамии (четыре трактата) и Алишера Навои (Муфрадат).

Предложена методология анализа муаммо, включающая три уровня: буквальный (текст); лингвистический (абджад, таджнис); философский (символизм, суфийская метафизика). Эта модель впервые применена персидско-таджикской традиции и может стать основой для курсов восточной поэтики.

Эмпирическая база — более 70 впервые проанализированных текстов из редких рукописей, словарей («Фарханги форсии Амид», «Луғатнома» Деххудо), трактатов и антологий — обеспечивает непрерываемую достоверность выводов. Результаты данной главы могут быть использованы в курсах «Теория литературы Востока», «История персидско-таджикской поэтики», «Сравнительная поэтика».

Глава II — фундаментальный вклад в науку: автор впервые восстановил историю, теорию и социокультурную функцию муаммо как жанра, отвечающего высоким стандартам интеллектуального и эстетического совершенства средневековой восточной поэзии.

В третьей главе диссертационной работы автором представлено глубокое, системное и принципиально новое исследование двух ключевых жанров персидско-таджикской поэтической традиции XV века — лугаза и муаммо — с целью их восстановления в качестве не просто литературных форм, а как духовно-интеллектуальных практик, пронизывающих эстетику, богословие и социокультурную жизнь гератской элиты эпохи Тимуридов. Автору удалось построить теоретическую модель функционирования этих жанров в контексте суфийской эпистемологии, поэтической игры и политической аллегии. Особую ценность представляет разработка трёхуровневой методологии анализа: семантический (структура текста), символический (связь имени, числа, цвета, астрономических мотивов) и культурно-исторический (взаимодействие с судейскими, мадраса-образовательными и суфийскими кругами), которая выходит за рамки традиционного литературоведения и становится методическим эталоном для изучения сложных жанров восточной поэзии.

Важнейшим достижением является переосмысление муаммо как не просто загадки, а как ритуала прозрения. Автор убедительно демонстрирует, что в творчестве Джамии муаммо — это семиотическая молитва, где разгадывание имени Божия (или имени поэта-суфия) становится актом

духовного восхождения, основанным на принципах тансили (построение), такмилй (завершение), таснили (разделение) и тафсир (толкование). Это не просто поэтическая игра — это форма ибадата, где язык становится мостом между человеческим и божественным.

Луغاز, в свою очередь, раскрывается как жанр морального и политического воспитания элиты, где псевдонимы, числовые коды и аллегории служат инструментом скрытой критики власти, пропаганды суфийских идеалов и формирования поэтической идентичности. Автор показывает, как луغاز Васифи выходит за рамки «игры слов» и становится инструментом идеологической борьбы в условиях политической нестабильности после смерти Хусейна Байкары.

Третья глава диссертации — это научное достижение, сочетающее в себе архивную глубину и теоретическую новизну.

Диссертация соответствует специальности 5.9.2 – Литература народов мира (персидская литература, таджикская литература) (филологические науки). Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: пункт 3. Поэтика писателей, литературных произведений, тропов, приёмов, жанров. Работа напрямую исследует художественные и риторические особенности жанров луغاز и муаммо, их структуру, динамику и функциональную специфику в таджикско-персидской классической литературе: пункт 4. Взаимодействие и взаимовлияние национальных литератур и их типологические схождения. Данный пункт обеспечивается анализом генезиса жанров и их места в широком контексте восточных литературных традиций; пункт 6. Рецепция литератур народов мира отечественным и иностранным литературоведением и критикой. Соответствует обзору степени разработанности темы, включающему труды российских, таджикских и персидских исследователей; пункт 8. Социология литератур народов мира. Диссертационное исследование раскрывает роль луغاز и муаммо как социальных и интеллектуальных форм в придворной среде и культурных центрах классического периода, что соответствует изучению функционирования литературы как социального института.

Основные положения диссертации отражены в 4 публикациях автора в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Российской Федерации, что подтверждает научную востребованность и публикационную активность соискателя. Результаты диссертационного исследования прошли апробацию на конференциях и научных семинарах. Автореферат и опубликованные работы достаточно полно отражают основное содержание диссертации, характеризуют результаты проведенного исследования.

Наряду с достижениями и успехами диссертационная работа Махмадулоевой Насибы Махмадшифоевны не лишена некоторых недостатков и изъянов, устранение которых только повысило бы научный уровень её работы:

1. Диссертация страдает от чрезмерной повторяемости одних и тех же формулировок, примеров и тезисов в разных главах. Например, один и тот же муаммо на имя «Каввоми» (с «сердечной волной») цитируется в главах I, II и III с почти идентичными комментариями; описание лугаза «свеча» Васифи повторяется 4–5 раз с минимальными вариациями; цитаты из Язди, Джами и Навои дублируются в разных контекстах без нового анализа. Необходимо провести жесткую редактуру на предмет дублирования. Каждый пример должен быть использован только один раз в наиболее релевантном контексте. Остальные упоминания — только в виде ссылок («см. выше, гл. II, с. 132»). Удалить или объединить избыточные абзацы, особенно в заключении, где итоги должны быть сжатыми и новыми, а не пересказом вступлений.

2. В тексте неоднократно утверждается, что «лугаз» и «чистон» — синонимы, при этом в самом начале (1.1) автор чётко разграничивает их: чистон — вопросительная форма, лугаз — описательная, без вопроса. Однако далее, особенно в главе III, эти термины смешиваются, и в одних местах «лугаз» заменяется на «чистон» без пояснений, что нарушает собственную классификацию. Рекомендую единообразно использовать термин «лугаз» для описательных загадок и «чистон» — только для вопросно-ответных форм, как это задумано в теоретической части. В случае замены — обязательно указывать: «в народной традиции это называется чистон», чтобы сохранить методологическую целостность.

Эти замечания не касаются сути исследования — оно глубокое, новое и ценное — но помогут сделать диссертацию более профессиональной, логичной и стилистически безупречной.

В целом, диссертация «Этапы развития лугаз и муаммо в таджикско-персидской литературе X–XV вв.» представляет собой оригинальное, глубоко проработанное и методологически обоснованное исследование, впервые всесторонне раскрывающее историю, структуру и функции жанров лугаз и муаммо в персидско-таджикской литературе. Работа отличается высоким уровнем теоретической подготовки, точностью анализа, обоснованностью выводов и соблюдением научного стиля.

Таким образом, диссертация «Этапы развития лугаз и муаммо в таджикско-персидской литературе X–XV вв.» отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук «Положения о порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 г.

№ 842 (с изменениями и дополнениями в действующей редакции), а ее автор Махмадулоевой Насибы Махмадшифоевны заслуживает присвоения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2 – Литература народов мира (персидская литература, таджикская литература) (филологические науки).

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
заведующий кафедрой таджикского языка
Дангаринского государственного
университета

Саидджафаров Озод Шовалиевич

Адрес: 735320, Таджикистан, Дангара,
ул. Маркази, 25; Почта: info.dsu2013@gmail.com,
dddangara_2013@mail.ru; Телефон: +992 833122-28-42.
03.02.2026 г.

Подпись Сайидджафарова Озода
Шовалиевича «ЗАВЕРЯЮ»:

Начальник отдела кадров и специальных работ
Дангаринского государственного университета

Тоирзода С.Т.

Адрес: 735320, Таджикистан, Дангара,
ул. Маркази, 25; Почта: info.dsu2013@gmail.com,
dddangara_2013@mail.ru; Телефон: +992 833122-28-42.
04.02.2026 г.